

Владимиров резко порывает с этой традицией. Стремление обосновать превосходство «живоподобия» с неумолимой логикой ведет его к пересмотру основных положений, на которые опирались прежде русские художники. Слова Библии о том, что человек создан «по образу и подобию» он использует в прямо противоположном смысле, чем упоминавшиеся выше авторы. Эти слова у Владимирова являются основой именно для изображения физического совершенства человека. Он говорит о «богодарованней красоте» святых как о красоте реальной, зримой (л. 71—71 об.); он попрекает Плешковича, в частности, тем, что того устрасило «человекоподобие» образа Христа (л. 50 об.). Таким образом, Владимирова «тамошние красоты» (л. 69) представляются по аналогии с физическим совершенством человека. Бог Владимирова, независимо от его желания, антропоморфен, что говорит о приближении взглядов автора к материализму.

Но требование «живоподобия» вовсе не означает у Владимирова только буквального копирования действительности. Он никак не может избежать столь важного вопроса, как идеальность образа святого. Поэтому «живоподобие», согласно Владимирова, допускает известную условность: даже если святые в этой жизни были «стары или смяглы», «скудны и умерщвлены» (л. 68 об.), изображение их должно быть не только «живоподобное», но и «благообразное». В основе этой идеализации лежат, по-видимому, традиционные формы. В этом — важная уступка прошлому.

Свои представления о благообразном «живоподобию» он кратко формулирует в требовании писать «светло и румяно, тенно и живоподобно» (л. 54 об.) и в понятии «первообразного». Разумеется, он ссылается на произведения древних живописцев в соответствии с постановлениями Стоглава, которые до Большого Московского собора 1666—1667 гг. пользовались непререкаемым авторитетом.

Однако его ссылки на Стоглав не вызывают доверия. Владимирова старается всячески показать свою преемственность по отношению к Стоглаву, но фактически отходит от его традиций. Если Стоглав считает основным для иконописца нравственный облик (который охарактеризован в его решениях очень полно), то Владимирова выдвигает в качестве самого главного «мудрость» художника, что было новшеством для того времени. «Мудрый живописец» — это идеал художника, который Владимирова и пытается обрисовать. Сам стиль «Послания» становится чрезвычайно риторическим, когда автор говорит о «мудром живописце» (например, л. 75). Если Стоглав обращается назад, к древним образам, то Владимирова обращает к Западу, он обращен вперед. К Стоглаву Владимирова обращается по обязывающей традиции, к Западу — по влечению, охватившему в то время привилегированные слои русского общества.

Совершенно по-новому звучит у Владимирова понятие «первообраза». Одним из важных положений древнерусской эстетики являлось изречение Василия Великого о том, что «честь, воздаваемая образу, переходит на первообразное». Владимирова, казалось бы, в духе этого изречения говорит о том, что следует взирать на образ, «преже живописуя в сердцы своем первообразный его лица зрак» (л. 14). Или: «И тако на иконы телесныма очима взирающе, а сердечныма на того, чье есть подобие внимающе» (л. 17 об.). Вместе с тем он энергично подчеркивает неопределимость, неизобразимость, непознаваемость божества. Бог есть дух, присутствующий всюду (л. 37). Божественное «существо», т. е. сущность, недоступно «ни ангелом, ни человеком» (л. 58 об.). Для «описания» доступно только «плотское смотрение» Христа (л. 58 об.). Точно так же и ангелов изображают лишь на основании их явления в видимых формах: «бесплотных не по естеству, но по схождению их написуем, еслико кто можахе ви-